

Проект польско-российской унии на страницах дневников Гелиаша Пельгримовского

И. А. Прохоренков

Для цитирования: Прохоренков И. А. Проект польско-российской унии на страницах дневников Гелиаша Пельгримовского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 3. С. 702–717. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.302>

Статья посвящена изучению места рифмованного диариуша Гелиаша Пельгримовского в корпусе источников, позволяющих реконструировать историю московского посольства Л. И. Сапеги в 1600 г. На исходе XVI в. в условиях осложнившегося внешнеполитического положения Речи Посполитой в ее интеллектуальных кругах вновь актуализировалась идея польско-московской унии. Для заключения столь важного соглашения был выбран канцлер Великого княжества Литовского Л. И. Сапега, ранее уже показавший себя видным сторонником межгосударственного объединения. Представленный послами в Москве проект был решительно отвергнут Борисом Годуновым ввиду существенного ущемления российских интересов условиями объединительного договора. Для реконструкции истории московской дипломатической миссии Льва Сапеги историки обращаются к широкому спектру источников: официальному дневнику, посольским книгам, дипломатической документации и т. д. Однако вопрос о статусе одного источника — поэмы секретаря посольства Гелиаша Пельгримовского, называемой в историографии «рифмованным диариушем», — долгое время не был решен, так как использование этого текста в научных целях затрудняется его художественными особенностями. В отечественной историографии исследователи предпочитают обращаться только к прозаическому дневнику, в то время как в западной традиции поэма Пельгримовского выступает в качестве самостоятельного источника. Детализированность описаний придворного церемониала и посольского обычая, а также цитирование реальных документов в поэме позволяют западным исследователям называть рифмованный диариуш своеобразным «учебником» для будущих посланцев в Москву. Проанализировав текст поэмы, автор статьи приходит к выводу, что хроно- и фактология в рифмованном диариуше были искажены поэтом в угоду собственным антипатиям. Стихи Пельгримовского тенденциозны и имеют яркий антимосковский окрас, что не позволяет считать его произведение надежным источником. Рифмованный дневник является памятником, дающим возможность проанализировать взгляд писателя на польско-московские отношения, а также представляет собой переходный этап в польско-литовской поэзии от оборонительного «ливонского эпоса» к пропагандистским произведениям, призывающим к захвату московских земель.

Ключевые слова: история польско-российских отношений, Гелиаш Пельгримовский, Лев Сапега.

Игорь Александрович Прохоренков — библиотекарь, Российская национальная библиотека, Отдел редких книг, Российская Федерация, 191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18; prohorenkovigor@gmail.com

Igor' A. Prohorenkov — Librarian, National Library of Russia, Rare Books Department, 18, Sadovaja str., St. Petersburg, 191069, Russian Federation; prohorenkovigor@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

The Project of Polish-Russian Union in Geliash Pelgrimowsky's Diaries

I. A. Prohorenkov

For citation: Prohorenkov I. A. The Project of Polish-Russian Union in Geliash Pelgrimowsky's Diaries. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, issue 3, pp. 702–717. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.302>

The article is devoted to the study of Geliash Pelgrimowsky's rhymed diary, which is considered quite an uncommon source of information about the history of the embassy of Lew Sapieha to Moscow in 1600. At the end of the 16th century, due to the complicated foreign policy situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth, the ideas of Polish-Moscow union were reborn. The chancellor of the Grand Duchy of Lithuania, who had previously shown himself as a prominent supporter of the interstate association, was chosen as the head of the Polish-Lithuanian embassy. The project of union represented by Lew Sapieha in Moscow was firmly rejected by Boris Godunov because of the substantial infringement of Russian interests in the terms of agreement. Traditionally, in order to reconstruct the history of diplomatic mission of Lew Sapieha, researchers resort to a wide range of sources: official diaries, embassy books, diplomatic documentation, etc. However, the status of one source — the historical poem "Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą" by Geliash Pelgrimowsky, which was dedicated to the history of this embassy — hasn't been defined for a long time. The text of "Poselstwo..." is based entirely on documentary sources, and the author himself was an eyewitness of the described events. Nevertheless, Pelgrimowsky's text is very tendentious. The author of the paper comes to the conclusion that the chronology and facts in the "rhymed diary" were considerably distorted by Pelgrimowsky to reflect the propagandistic nature of his work. The text of his poem cannot be used as a reliable basis for the reconstruction of the history of the embassy of Lew Sapieha to Moscow.

Keywords: the history of Polish-Russian relations, Geliash Pelgrimowsky, Lew Sapieha.

I

«...И меж нашихъ великихъ государств и межъ коруны Польскіе и Велико-го княжства Литовского рати и войнѣ не быти, и слати намъ Великимъ Государемъ межъ собою на обѣ стороны нашихъ великихъ пословъ о большемъ дѣлѣ о докончаньѣ **и о вѣчномъ соединеньѣ** (выделено мной. — *Авт.*) и о всякихъ добрыхъ дѣлехъ...»¹ — в такой формулировке в преамбуле договора о 12-летнем перемирии, заключенном в январе 1591 г. между Речью Посполитой и Московским царством, отразилась идея возможного в будущем объединения двух государств. Идея эта, впрочем, не была нова: попытки реализации подобного проекта предпринимались уже во время первого «бескоролья» в Речи Посполитой (1572–1573), когда на короткий срок появилась перспектива объединения трех восточноевропейских народов под скипетром единого московского правителя.

Начиная с 70-х годов XVI в. разработка различных проектов унии стала неизменным элементом дипломатической игры между Речью Посполитой и Московским царством². Череда польских «бескорольев», элекция 1587 г. и мирные перегово-

¹ Текст договора цит. по: Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. VI, ч. II. СПб., 1790. С. 227–237.

² Maciszewski J. Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej. Warszawa, 1968. S. 83–87.

воры 1590–1591 гг. — события, в рамках которых постоянно рождались различные объединительные проекты, тем не менее неизменно обреченные на провал ввиду накопившихся политических противоречий между двумя государствами.

По мнению круга высших политических деятелей Речи Посполитой, очередная благоприятная ситуация для заключения «вечного соединения» сложилась в 1599–1600 гг. Миссия по установлению унии выпала на долю московского посольства канцлера Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги, известного сторонника объединения двух держав³. Инициатива на этот раз полностью исходила от польско-литовской стороны, что может быть объяснено рядом обстоятельств. Прежде всего отметим, что Речь Посполитая стояла на пороге существенных внешнеполитических испытаний. Назревал серьезный конфликт с Швецией: детронизированный после поражения у Стонгебру (25 сентября 1598 г.), Сигизмунд III в надежде вернуть себе шведский престол вступил в открытое противостояние со своим дядей, Карлом IX Сёдерманландским. И хотя современники едва ли могли представить, что война затянется на 30 лет (столкновения практически не прекращались с 1600 по 1629 гг.), грядущая битва за передел Прибалтики не могла не вызывать у польско-литовской политической элиты определенные опасения. В то же время Речи Посполитой пришлось столкнуться с трудностями на южных рубежах: объединивший под своей властью Валахию и Трансильванию воевода Михай Храбрый (1558–1601) в мае 1600 г. выступил против молдавского господаря Иеремии Могилы, являвшегося вассалом Речи Посполитой. Военные успехи Михая, шедшие вразрез с польскими интересами в Прикарпатье, а также шведская угроза на Балтике ставили перед Республикой обоих народов реальные перспективы войны сразу на два фронта.

Однако не только собственные внешнеполитические трудности побудили Сигизмунда III отправить к своему восточному соседу Великое посольство во главе с Львом Сапегой. В кругах сановников Речи Посполитой сложилось мнение, что не меньшее количество проблем испытывает на себе и Московское государство и что выгоды грядущего союза смогут склонить Москву в сторону заключения унии⁴. На рубеже XVI–XVII вв. произошли серьезные коррективы в балтийской политике Московского царства, до той поры испытывающего сильное влияние Швеции: становилось все более явным расхождение внешнеполитической программы нового шведского правительства с русскими интересами на Балтике⁵. Шведы неотступно требовали подтверждения Тявзинского договора и ревностно оберегали свой контроль над русской внешней торговлей на Балтийском море. Тяжесть шведской опеки приводила к тому, что иной раз русским купцам приходилось полностью объезжать шведские владения на пути в европейские города⁶. Охлаждение между Москвой и Стокгольмом не осталось незамеченным польскими дипломатами. Так, сам Л. И. Сапега накануне своей поездки в Москву неоднократно упоминал в лич-

³ Czwolęk A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час. Гродна, 2007. С. 124–127.

⁴ Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. Т. 2. Lwów, 1828. С. 9.

⁵ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 124.

⁶ Там же. С. 127.

ной переписке, что данные обстоятельства открывали крайне благоприятные возможности для улучшения отношений с восточным соседом⁷.

Вселяла оптимизм в сторонников унии и внутренняя ситуация в Московском государстве. Смерть бездетного Федора Ивановича в 1598 г. и неизбежно следовавший за ней передел власти между боярскими родами давали в руки дипломатов Речи Посполитой новые рычаги давления⁸. В Москве даже в самом преддверии переговоров было неспокойно: в начале ноября 1600 г. в столице был арестован обвиненный в попытке переворота Федор Никитич Романов, один из первых людей в государстве. Внутренняя напряженность в Московском царстве дарила послам надежду на то, что обещание поддержки со стороны Речи Посполитой сделает Бориса Годунова достаточно сговорчивым политическим партнером⁹.

Таким образом, к исходу весны 1600 г. Речь Посполитая и Швеция, старавшаяся не допустить сближения Москвы и Варшавы, практически одновременно начали искать новые контакты с Московским царством, ставя перед Борисом Годуновым проблему выбора одной из сторон в грядущем балтийском конфликте. Совершенный в этих обстоятельствах политический демарш нового московского царя вновь предрекал успешность грядущих переговоров с Сапегой и, казалось, демонстрировал благосклонность Москвы к польско-литовским замыслам: королевскому гонцу Бартоломею Бердовскому в кратчайшие сроки были выданы «опасные» грамоты для участников Великого посольства, и уже 19 апреля 1600 г. он отправился в обратный путь, покинув столицу. Существенно отличалась судьба шведских гонцов: вплоть до августа они прождали в Нарве, безуспешно пытаясь добиться аудиенции в Москве¹⁰.

Таким образом, после урегулирования всех формальных вопросов, Великое посольство во главе с Л. Сапегой, С. Варшицким и Г. Пельгримовским 27 сентября 1600 г. из Орши выдвинулось к Москве. Программой-минимум для дипломатической миссии являлось решение вопроса продления перемирия с Московским царством и если не помощи с его стороны, то хотя бы доброжелательного нейтралитета в грядущем польско-шведском конфликте. Под программой-максимум понималось заключение столь долго обсуждаемого «вечного соединения»¹¹. Исследовательский интерес данная попытка установления унии привлекает хотя бы ввиду того факта, что посольство Л. И. Сапегы 1600–1601 г. — последняя мирная попытка объединения двух государств дипломатическим путем¹². Последовавшие далее события Смутного времени и непрекращающееся соперничество между Москвой и Варшавой за западнорусские территории диктовали новые условия, в которых проектам добровольной унии уже не находилось места.

Проект унии, представленный в Москве польскими дипломатами, заслуживает подробного рассмотрения. В дневниках миссии, которые вел секретарь посоль-

⁷ Archiwum domu Sapiehow. T. 1. Lwów, 1892. N 256 (S. 214–215).

⁸ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 245.

⁹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 143–144.

¹⁰ Там же. С. 138.

¹¹ Zamoyski A. Polska. Opowieść o dziejach niezwykłego narodu. Warszawa, 2011. S. 187.

¹² Gajda M. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta // Piotrkowskie Zeszyty Historyczne. 2001. N 12/1. S. 124.

ства Гелиаш Пельгримовский, условия союза даны под титулом «*Artykuły od nas posłów do wiecznego pokoju podane*»¹³. Всего в проекте насчитывалось 24 пункта, дополняющих и расширяющих друг друга. Предлагаемые польско-литовской стороной идеи согласованной политики (пп. 1–5) превращали унию не просто в военный союз, но в полноценное объединение: все внешние сношения должны были осуществляться под «общими обоим государствам титулами»¹⁴. Многие идеи Люблинской унии были повторены в 1600 г.: военно-политический союз, единая монета (п. 17), право на свободное перемещение подданных с возможностью приобретения собственности, право на заключение брака и т. д. (пп. 7–10). Для окончательного же единения монархам-униатам предлагались одинаковые короны, которые должны были возлагаться на головы правителей послами из союзных государств (пп. 18, 20). Также полноценный регламент получили вопросы разделения территорий и обороны границ от общих врагов (пп. 4–6, 15). Здесь стоит отметить, что принципиально новым был вопрос о совместной балтийской политике (п. 16) — ранее и польская, и шведская короны были в руках Сигизмунда. Теперь же Москва должна была занять сторону польского короля и приложить собственные усилия к созданию и снабжению мощного союзного флота на Балтийском море.

В историографии вопроса неоднократно отмечалось¹⁵, что конкретные обстоятельства составления проекта унии в 1600 г. до сих пор остаются неясными: ни на предсеймовых собраниях, ни на самом Варшавском сейме (9 февраля — 21 марта 1600 г.) вопрос переговоров с Москвой фактически не поднимался. Тем не менее некоторые пункты, являющиеся оригинальными в новом проекте, позволяют сделать определенные выводы о политических кругах, в которых проект объединения вызревал. В частности, исходя из решения вопроса вероисповедания на территориях будущего объединенного государства (пп. 11–12), в рамках которого монополия на политические привилегии гарантировалась только католикам и православным (игнорируя интересы униатов и протестантов), Б. Н. Флоря предположил, что «окончательный свой вид проект “вечного соединения” получил на совещаниях в узком кругу между королем и его ближайшим окружением и руководителями великокняжеской канцелярии — такими ревностными католиками, как канцлер Л. Сапега и братья Войны (подканцлер Габриель и писарь Матвей)»¹⁶.

Большинство условий унии хотя и несло большую выгоду, прежде всего именно Речи Посполитой, тем не менее могло быть принято и московской стороной. Однако по-настоящему неравноправные позиции предлагались союзникам в пунктах договора, посвященных форме правления будущего объединенного государства (пп. 19–24). Перед составителями проекта действительно стояла сложная задача, так как необходимо было объединить две монархии с совершенно разной спецификой: выборную модель Речи Посполитой и наследственную — Московского царства. Договор предполагал примат именно польско-литовского монарха в наследовании власти, в случае пресечения царской династии польский король авто-

¹³ Полностью текст воспроизведен в: Сборник РИО. Т. 137. М., 1912. С. 45–53; *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą, Poselstwo do Zygmunta Trzeciego* / wydał i opracował Roman Krzywy. Warszawa, 2010. S. 68–76.

¹⁴ Сборник РИО. Т. 137. С. 47.

¹⁵ *Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 g.* Lwow, 1927. S. 4–7.

¹⁶ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 257.

матически восходил на московский престол, в то время как московский правитель в аналогичной ситуации не получал никаких исключительных прав при элекции¹⁷. Хотя основной идеей проекта относительно московских элит и была декларация равенства шляхты и дворянства, по факту же последним отказывали в основополагающем праве — самостоятельно выбирать себе государя. В переговорах 1600–1601 гг. эти пункты стали серьезным препятствием для заключения унии.

Авторы проекта объединения значительно переоценили шаткость положения Бориса Годунова, которая должна была подтолкнуть его к заключению союзного договора. В результате, несмотря на весь оптимизм составителей проекта, уния была отвергнута Москвой. О самом ходе переговоров и конкретных причинах неудачи миссии Сапеги мы можем найти информацию в ряде источников, наиболее полными из которых являются диариуши¹⁸ посольства 1600–1601 гг., составленные третьим послом — Гелиашем Пельгримовским.

Гелиаш Пельгримовский (Eliasz Pielgrzymowski, 1564 — после 1604) — шляхтич герба Новина, отдавший большую часть своей жизни королевской службе. О его биографии нам известно немного. Пельгримовский предположительно был выходцем из семьи литовских кальвинистов¹⁹. В 80-х годах XVI в. будущий посол жил при дворе Радзивиллов биржайской линии, а также лично участвовал в финальных аккордах Ливонской войны в составе радзивилловских отрядов и «великого похода» Стефана Батория (1581–1582)²⁰, благодаря чему удостоился увековечивания своих ратных подвигов в творчестве поэтов Ф. Градовского и А. Рымши²¹. В 1583 г. Пельгримовский получил свой первый дипломатический опыт, будучи отправлен королем Стефаном Баторием ко двору Ивана Грозного с письмом и подарками. С 1586 г. Пельгримовский занимал должность писаря Великого княжества Литовского, где до конца жизни и продолжал службу на благо Речи Посполитой. Из значительных карьерных эпизодов стоит также отметить пребывание Гелиаша Пельгримовского в Инфлянтах в должности королевского комиссара в 1588 и 1599 гг.²²

Перед отправкой в составе посольской миссии в Москву Пельгримовский написал и лично отнес в канцелярию Минского городского суда свое завещание, составленное на имя жены — Богданы Ивановны Ляцкой²³. В случае смерти мужа Богдана Ивановна получала 900 коп. грошей и ряд имений. После смерти супруга

¹⁷ Сборник РИО. Т. 137. С. 51.

¹⁸ Диариуш (польск. *diariusz* — дневник) — исторический памятник, в хронологическом порядке описывающий события, в которых принимал участие автор. Под «диариушами посольства 1600–1601 гг.» в настоящей статье подразумеваются два документа: официальный дневник дипломатической миссии, который вел Гелиаш Пельгримовский в Москве, и его же поэма «*Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą*», представляющая собой стихотворную переработку оригинального дневника посольства.

¹⁹ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 10.*

²⁰ Об участии Пельгримовского в Ливонской войне и о военной тематике в его творчестве см.: *Филошкин А. И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 521.*

²¹ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 10–11.*

²² *Ibid. S. 11.*

²³ «Лист писаря Великого княжества Литовского, юрборского лесничего Гелиаша Пельгримовского жене Богдане Ляцкой на 900 коп грошей литовских с заставных имений на случай своей смерти» (Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1727. Оп. 1. Д. 1. Л. 994–995 об.). Опубликовано с комментариями: *Бобкова О. В. Лист писаря Великого княжества литовского Гелиаша Пельгримовского. Август 1600 г. // Исторический архив. 2004. № 6. С. 199–201.*

она несколько раз обращалась за материальной помощью к королевской власти, апеллируя к прошлым заслугам Пельгримовского перед короной. Возвратившись из Москвы, посол занялся поэтической переработкой составленного им дневника, но закончить редактирование ему, вероятно, не позволила смерть²⁴. После 1604 г. все известия о Пельгримовском полностью исчезают, что дает право считать этот год условным временем его смерти.

Однако прославился Гелиаш Пельгримовский вовсе не своей политической и дипломатической активностью²⁵. Потомкам этот деятель известен прежде всего благодаря своей поэзии. Так, С. В. Ковалев называет Пельгримовского «адным з найбільш вядомых паэтоў Беларусі і Літвы эпохі Рэнэсансу»²⁶. Творческая карьера Гелиаша Пельгримовского начинается с 80-х годов XVI в. Творческую славу поэта составляют латиноязычные панегирики «*Innuptias illustrissimi Principis et Domini, D. Alberti Radiuilonis...*» (Вильна, 1585) и «*Epistola ad Magnificum... Dominum Theodorum Skuminum...*» (Вильна, 1586), а также прозаический трактат с рифмованными вставками «*De heroibus in Dei Ecclesia*» (Краков, 1585). С 90-х годов автор переходит на польский язык. Перу Пельгримовского приписываются «*Dialog slachcica litewskiego prawdziwy woyny Iflantskiey... Krola... Stefana z Księdzem Moskiewskim od początku do końca krotko zebrany*» (Вильна, 1594) и сборник латинопольских вирш «*Philopatris ad senatum populumque Lituanum*»²⁷ (Б. м., 1597).

Последний и самый масштабный²⁸ литературный труд Пельгримовского — поэма «*Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą*» — при жизни автора так и не был опубликован. Поэма «*Poselstwo...*» была построена автором, как уже упоминалось, на материалах официального дневника дипломатической миссии 1600–1601 гг., в связи с чем и может рассматриваться как исторический источник. Поэма не привлекала к себе особого внимания в отечественной исторической науке. Так, например, именно прозаический дневник называется Б. Н. Флорей «главным источником по истории посольства»²⁹ Льва Сапегы, а Р. Г. Скрынников на основании официального диариуша описывает начало репрессий Бориса Годунова, направленных против семьи Романовых³⁰. Несмотря на то что прозаический дневник посольства дошел до нас лишь в отдельных частях³¹, исследователи предпочитают использовать именно его, опасаясь излишней «художественности» поэмы «*Poselstwo...*».

²⁴ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 19.*

²⁵ *Markowska W. Literatura Polska epoki Odrodzenia. Warszawa, 1956. S. 113.*

²⁶ *Кавалёў С. В. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнэсансу. Мінск, 2010. С. 268.*

²⁷ *Некрашэвіч-Короткая Ж. В. Слава і плач патрыёта і прарока: паэма “Philopatris” (1597) // Acta Albaruthenica. 2003. N 3. С. 8.*

²⁸ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 18.*

²⁹ *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 144.*

³⁰ *Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 23–24.*

³¹ Впервые фрагменты дневника были опубликованы Владиславом Трембичким (*Trębicki W. Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy, podług dyaryusza Eljasza Pielgrzymowskiego. Grodno, 1846*). Позже прозаический и рифмованный дневники были всесторонне использованы Казимиром Тышковским при написании своей монографии по истории посольства Л. И. Сапегы (*Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r.*). В настоящее время наиболее полным исследованием по истории текста прозаического дневника представляется работа литовской исследовательницы Йиратэ Киаупиене: *Pilgrimovijus E. Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė Maskvą 1600–1601 m. / parengė J. Kiaupienė. Vilnius, 2002.*

Историческая составляющая рифмованного дневника была высоко оценена в польской историографии благодаря тому, что даже в поэтическом произведении Пельгримовский тщательно воспроизвел многие известные ему документы — тексты условий унии, посольские речи, ответы Боярской думы, списки подарков, провизии³² и пр. Ввиду подобной структуры текста белорусский исследователь С. В. Ковалев называет поэму Гелиаша Пельгримовского «диариушем в стихотворной форме» и «эпической поэмой в форме диариуша»³³, таким образом подчеркивая ее историческую ценность.

Возможность использования поэмы «Poselstwo...» в качестве исторического источника — проблема, которой мы уделим особое внимание в нашей статье. Каждый из двух дневников Пельгримовского обладает собственной спецификой: если главной чертой прозаического текста является детализированность описаний, то поэма дает возможность прикоснуться к картине польско-литовских и московских отношений в преддверии Смутного времени, какой ее увидел отдельно взятый дипломат и поэт. «Poselstwo...» предоставляет нам крайне богатый образный ряд, до сих пор не попадавший в поле зрения специальных исследований.

Антимосковская пропаганда — центральная тема рифмованного дневника, автор не упускает ни единой возможности, чтобы выставить московскую жизнь в дурном свете³⁴. Хотя подобная тематика и была широко распространена в поэзии Речи Посполитой последней трети XVI в., тем не менее «Poselstwo...» является поистине исключительным случаем. Предшествующий этап развития антимосковской эпической поэзии на польско-литовских землях, который можно условно назвать временем доминирования «ливонского цикла»³⁵, характеризуется «оборончеством» по отношению к Москве: поэты писали о необходимости всеми силами дать отпор московской угрозе, но не призывали заходить на восток дальше собственных границ. Пельгримовский же, на собственном опыте убедившийся в невозможности культурного диалога с москвитями, в своей поэме поднял тему необходимости *подчинения и колонизации* восточного соседа. Таким образом, поэмы Пельгримовского представляет собой важный переход от ливонского цикла к окказиональной поэзии эпохи Смутного времени, где провозглашение цивилизаторской миссии Речи Посполитой по отношению к Москве станет общим местом³⁶.

Поэма открывается посвящением Льву Ивановичу Сапеге: с первых абзацев Пельгримовский переходит к теме своих собственных злоключений вместе с канцлером Великого княжества Литовского в московских пределах («jako w więzieniu jednym w zaparciu przez pięć a dwadzieścia niedziel»³⁷), вплетая рассуждения о лично пережитых тяжелых днях в общую картину обид, нанесенных Республике моско-

³² Подробнее см.: *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 18–20.*

³³ *Кавалёў С. В. Шматмоўная паэзія Вялікага княства Літоўскага эпохі Рэнесансу. С. 281.*

³⁴ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 21.*

³⁵ Подробнее см.: *Некрасіэвіч-Короткая Ж. В. Беларускае лацінамоўнае паэма: позні Рэнесанс і раньняе Барока. Мінск, 2011. С. 91–92.*

³⁶ См., напр.: *Lisichenok E. A., Prohorenkov I. A. The Oriental discourse in the anti-Moscow Positek Bellony Słowieńskiej by Marcin Paszkowski // Res Historica. 2015. N 40. P. 115–125.*

³⁷ «...Ибо в плену одном под замком 25 недель находились» (*Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 30–31.*)

витами³⁸. Представив совместно пережитые трудности в качестве предлога к обращению за покровительством, автор переходит к непосредственному описанию посольства. В поэме Пельgrimовского четко выделяются хронологические этапы посольской миссии.

I этап: 27 сентября — 16 октября 1600 г. Путь до Москвы. Посольство в составе канцлера Великого княжества Литовского Л. Сапеги, варшавского каштеляна С. Варшицкого, писаря Г. Пельgrimовского, а также 400 слуг и 700 «людей посполитых» 27 сентября выступает из Орши. На основании сведений «Poselstwa...» можно точно реконструировать весь путь миссии. 29 сентября, после ночевки у р. Иваты, служащей естественной границей двух государств, послы вступили на территорию Московского царства:

Do Iwaty, co dzieli kraj moskiewski z nami,
Gdyśmy przyszli, przybiegli dwaj do nas posłani³⁹.
(Строки 71–72)

В диариуше отмечаются как места ночевки населенные пункты Красный, Лубня, Смоленск, Пнево, Дорогобуж, Вязьма, Заозерье, Добрая, Можайск, Кубинка и Мамоново. Таким образом, за 18 дней посольская делегация преодолела около 600 км. Пельgrimовский подробно описал путь посольства, выделяя различные примечательные факты (упомянул несколько пожаров и голод в деревнях, описал пиры, устраиваемые по пути в честь послов). В целом же дорога до Москвы прошла для послов без происшествий.

II этап: 16 октября — 9 декабря 1600 г. Период лояльного отношения к послам. Ранним утром 16 октября посольство совершило торжественный въезд в Москву:

W pierwszą bramę wtym poczty porządnie wjechały;
Gwałt zewsząd mężczyzn, niewiast, co na to patrzyały.
Po stronach bojarowie konni postępują,
Drudzy plac czynią, drudzy przed nami rumują⁴⁰.
(Строки 229–232)

По прибытии послы остались довольны оказанным им приемом и условиями своего содержания. Несмотря на ранний приезд дипломатов, первую аудиенцию они получили только 26 ноября. Такая задержка объяснялась двумя причинами: во-первых, московские гонцы отказывались принимать реестр подарков посольства, так как в нем не был прописан царский титул государя, во-вторых, сам Борис

³⁸ Пельgrimовский перечисляет «территориальные обиды» Речи Посполитой: «Не без великой жалости в сердце, видя без малого две сотни миль земель от Великого Княжества оторванных, вспомнить о них я должен. Великий Новгород, Великие Луки, Псков, Северские княжества, Можайск, Вязьма, Дорогобуж и Смоленск — все изменнически взяты. Наше сердце плачет от увиденного, ибо от предков наших права на те земли имеем» (Ibid. S. 30).

³⁹ «До Иваты, что делит край московский с нами, / когда дошли, явились к нам два посланника».

⁴⁰ «В первые врата знамена рядами въезжали, / шум мужей и девиц отовсюду, которые на то смотрели. / По сторонам боярские кони вышагивали, / одни площадь охраняли, другие нас сопровождали».

Годунов в это время страдал от приступов подагры⁴¹. Во время вынужденного бездействия Пельgrimовский занимался описанием столичной жизни, начиная раскрывать тему порочности московского населения.

Пристальное внимание автора привлек следующий случай, произошедший 20 октября. Прибывший к послам пристав начал делиться с поляками новостями, постепенно переходя к описанию богатств и могущества Москвы. Пельgrimовский рисует архетипичный для описания москвиты типаж лжеца и бахвала, который никак не может остановиться в своем вранье: природным богатствам Москвы нет числа, берега ее рек усеяны рубинами и золотом, перед ее армией дрожит весь исламский мир, а сама столица уже давно превзошла в своем великолепии все древние чудеса света. В итоге даже товарищ пристава не выдерживает его бахвальства и прерывает хвастливые речи:

I gdy tak niesłychane napowiadał rzeczy,
Drugi Posnik rzecze mu: “Bracie, to nie grzeczny!
Powiadasz to, co nie jest, aza nie wiesz tego,
Że z tych każdy wie dobrze, gdzie co jest takiego.
Poprzestań płutanimy — nieuczciwość nasza,
Gdy o tym mówisz, czego nie ma ziemia nasza”⁴².
(Строки 335–340)

Между приставами происходит ссора, а Пельgrimовский поднимает на смех перед читателем все сказанное москвитом (строки 340–455).

Только 26 ноября произошло представление послов Борису Годунову, во время которого царю были отданы письма и подарки. Закончилась аудиенция пиром, удостоившимся в поэме особо подробного разбора: Пельgrimовский, описывая кушанья и способы их подачи, обращается к теме московского варварства. Несмотря на обилие угощений, поэт негативно оценивает застолье, так как москвиты совершенно не способны достойно распорядиться своими богатствами:

Dobrze mówią, że wszego mnogo w ziemi mają,
Lecz jako czego zażyć, rozumu nie mają⁴³.
(Строки 777–778)

При этом автор рассуждает следующим образом: имей те же ресурсы польско-литовский народ, он сумел бы извлечь из них куда больше пользы, и выгоду от этого получили бы и сами москвиты (строки 779–780). Здесь мы видим колонизаторский дискурс в повествовании автора. Пельgrimовский утверждает, что мудрая опека более развитых народов Речи Посполитой над московскими территориями может стать несомненным благом для местного населения.

Работа посольства продолжилась, и 4 декабря московскому правительству были представлены условия «вечного соединения», на которые послы получили

⁴¹ Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. S. 52.

⁴² «И когда такие неслыханные рассказал вещи, / другой пристав ему сказал: “Брат, не грехи! / Рассказываешь о том, чего нет, и сам того не знаешь, / что каждый из послов это хорошо понимает. / Останови небылицы — неучтивость наша, / когда о том говоришь, чего нет в нашей земле”».

⁴³ «Верно говорят, что много всего в землях своих имеют, / да только разума у них нет, как это использовать».

ответ спустя два дня. В поэме автор полностью приводит ответы Боярской думы под титулом «Sposoby od bojar dumnych przeciwko naszym artykułom wiecznego rokoju»⁴⁴. Соглашаясь на продление перемирия, бояре тем не менее решительно отвергли практически все условия объединительной унии. На каждый пункт был дан, как отмечает Пельгримовский, «горделивый» ответ. Например, при рассмотрении вопроса объединения сил против общих врагов, московиты ответили, что у них «недруга никакого нет. Те все недруги, что раньше были, ныне великому господарю нашему царю... сами служат»⁴⁵. Ответы Боярской думы были совершенно категоричны, и ни о каких правах на покупку земель иностранцами в Московском царстве или о строительстве костелов, единой монеты и т. д. не могло быть и речи. Более того, с московской стороны были поставлены собственные условия дальнейшего мирного сосуществования Варшавы и Москвы, в рамках которых Сигизмунд III должен был отказаться от Инфлянт в пользу Бориса Годунова.

Таким образом, первое полноценное заседание послов и Боярской думы отчетливо показало принципиальную невозможность заключения какого-либо союза ввиду серьезного конфликта внешнеполитических амбиций двух государств. Прошедшая 9 декабря аудиенция еще больше накалила обстановку, когда «возвращение» прибалтийских земель Москве превратилось в *conditio sine qua non*. Бояре заметили, что в условиях обострившегося польско-шведского конфликта положение послов не позволяет им торговаться. Дьяк Афанасий Иванович Власьев на этой сессии выступил с речью, описывая трудности положения Речи Посполитой и акцентируя внимание на ее пограничных проблемах:

Niedawno u cesarza byłem posłem w Pradze
Od księdza moskiewskiego, i w niemałej wadze,
I wiem stamtąd inaczej, pilniem to notował,
Że się Michał Multański do was nagotował⁴⁶.

(Строки 1183–1186)

Пельгримовский отмечал, что не гнушались московиты и прямым шантажом, намекая на то, что могут сами встать на сторону Швеции: то, что отказывается дать Москве Сигизмунд III, с легкостью может предложить герцог Карл IX (строки 1215–1244). Все это вызвало искреннее возмущение послов, которые решились стоять до конца в вопросе о несправедливых притязаниях Москвы. 400 последующих строк поэмы посвящены историческому экскурсу в историю Прибалтики: звучит польская и московская версии, обосновывающие притязания на Инфлянты со стороны этих двух государств. Отметим, что все боярские речи об Инфлянтах автор щедро снабжает такими маргиналиями, как «*Vajki moskiewskie*»⁴⁷ и «*Taciszczow. Toć to chłop, złodziej głupi*»⁴⁸.

⁴⁴ Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 77–102.

⁴⁵ Ibid. S. 81.

⁴⁶ «Недавно у императора был послом в Праге / от князя московского [прибыл] и в большом почете [находился] /, и поэтому знаю, так как все прилежно записал, / что Михаил Мультанский готовится на вас напасть».

⁴⁷ «Сказки московские» (Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 114).

⁴⁸ «Татищев. Все же оказался холопом, злодей неразумный» (Ibid. S. 117).

III Этап. 9 декабря 1600 — 4 февраля 1601 г. Период «плена». После 9 декабря отношения к послам существенно меняются, ввиду чего Пельgrimовский начал называть свое пребывание в Москве не иначе как «пленом». Понимая провал посольской миссии, Л. Сапега просит у московского правительства отпуск из столицы, но получает отказ, аргументированный приступами болезни царя, который лично хотел бы разобраться с дипломатической миссией. Сами же послы в это время оказываются ограничены во внешних связях, попадая под настоящий домашний арест. В этих условиях работа посольства продолжается, а бояре предпринимают множество попыток сломить дипломатов. Так, на сессии, прошедшей 14 декабря 1600 г., Афанасий Власьев передает послам откровенную дезинформацию о поражении войск Замойского в столкновении с Михаем Храбрым:

Powiadam wam i drugą nowinę do tego:
Zamoyski zbit, hetman wasz, i rycerstwo jego
Od Michała w tych czasiech, że go nie ratował
Wojewoda kijowski, tamtemu folgował⁴⁹.
(Строки 1821–1824)

Посольская миссия становится для дипломатов испытанием их решимости: сессии проходят либо под диктатом московских требований, либо полностью срываются («Rozeście w gniewie z obu stron»⁵⁰), под угрозой оказывается даже личная безопасность членов посольства: бояре неоднократно замечают канцлеру Л. Сапеге, что за свою гордость и презрение к московским предложениям он может сильно поплатиться (строки 2371–2374).

В этой части поэмы Пельgrimовский направил весь свой литературный талант на бичевание московских нравов. Вновь на страницах поэмы возникает множество распространенных в пропагандистской литературе того периода топосов, раскрывающих сущность «московского варварства». Не мог обойти вниманием автор, например, такой распространенный штамп, как пристрастие москвитов к алкоголю, связав его с полным отсутствием у этого народа интеллектуальной культуры. Как пишет поэт, скорее москвит в руки возьмет кубок с водкой, чем перо:

Nie zabawią nauką, czytać, pisać mało,
Samym trochę władkom ledwo się dostało.
Teofrastes, tak piszą, napisał ksiąg trzysta,
Drudzy ksiąg do tysiąca pisali do czysta.
Ale tu nie tak rychło Moskal w pismo zajdzie,
Rychlej kufel gorzałki w rękę jego najdzie⁵¹.
(Строки 2817–2822)

Другой популярный пропагандистский топос, нашедший свое место в поэме Пельgrimовского, — это «азиатскость» москвитов, которые давно отбились от

⁴⁹ «Передам вам и вторую новость о том: / Замойский, гетман ваш с рыцарством своим, / повержен Михаилом, / и не смог помочь ему воевода киевский».

⁵⁰ Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 137.

⁵¹ «Не увлекаются науками, читают, пишут мало, / только их владыки грамотой немного владеют. / Теофраст, как пишут, составил книг триста, / иные [мудрецы] писали и тысячу книг. / Но не так искусно письмом Москаль владеет, / скорее уж кубок с водкой в его руке окажется».

европейской цивилизации и христианства и занимают свое законное место среди татарских и языческих народов (строки 2839–2840). Разумеется, заговорив об азиатской природе московского народа, автор затрагивает и тему рабства. Так, неволя рисуется как естественное состояние москвитов:

By wielbłąd, co niż jasną woli mętną wodę,
Tak oni być w niewoli wolą niż swobodę⁵².
(Строки 2927–2928)

Также естественна и склонность москвитов к тирании. Поэт отмечает, что хотя и сменились династии, в самой сущности власти ничего не поменялось:

Że po jednym tyranie dziś panuje drugi
Kleomedus okrutny, za wierne posługi
Co tysiącami niewinnych mieczem, turmą traci,
Głodem rychlej umorzy niż łaską zapłaci?⁵³
(Строки 2985–2988)

В таких пессимистичных рассуждениях, а также постоянных пререканиях с московским боярством на посольских сессиях дипломаты провели декабрь 1600 — январь 1601 гг. — время, ставшее самым напряженным в ходе работы посольства.

IV Этап. 4 февраля — 1 марта 1601 г. Перелом в переговорах. Когда дипломаты уже направлялись на очередную посольскую сессию, их остановили приставы: заседание было отменено ввиду того, что скоро в Москву прибудет гонец с новыми письмами от Сигизмунда III (строки 3031–3038). Встреча послов с Яном Поладовским, королевским курьером, произошла 11 февраля. Привезенные им новости о победах гетмана Яна Замойского в Молдавии (строки 3145–3152) и прочие известия из Речи Посполитой воодушевили послов и существенно укрепили их позиции. Таким образом, на новой посольской сессии, состоявшейся 16 февраля, Л. Сапега в своей речи торжественно дополнил титулы Сигизмунда III:

Pan kanclerz uczynił rzecz do kniazia młodego,
Wyliczywszy tytuły króla, pana swego,
Z siedmiogrodzkim, wołoskim i multańskim k temu,
Państw onych, które teraz już hołdują jemu⁵⁴.
(Строки 3227–3230)

Также канцлер представил письмо от короля, просившего не задерживать более отъезд его послов. Отмечая все их злоключения в Москве, канцлер обещал устроить такой же прием московским послам в Речи Посполитой (строки 3271–3272).

⁵² «Как верблюд, который чистой мутную воду предпочтет, / так и они жаждут в рабстве жить, а не на свободе».

⁵³ «Что после одного тирана теперь правит другой — жестокий Клеомед, за верную службу / тысячи невинных мечом и пленом уничтожает, / скорее голодом уморит, чем лаской оплатит?».

⁵⁴ «Пан канцлер начал свою речь к князю молодому, / перечисляя титулы короля, господина своего, / прибавив к ним Семиградские, Валашские и Мультавские земли, / которые теперь под рукой короля находились».

В этих условиях была предпринята последняя за время посольства Л. Сапеги 1600–1601 гг. попытка московской стороны повернуть переговоры в выгодную для себя сторону. 18 февраля, когда в Москву торжественно прибыли шведские послы (строки 3683–3690), их делегация была специально с особой торжественностью проведена перед польско-литовскими дипломатами. Поселили новоприбывших послов также в прямой видимости из двора Л. Сапеги. Однако и этой попытке «давления» на польско-литовских дипломатов суждено было провалиться, так как со шведами Боярской думе тоже не удалось достичь каких-либо конкретных договоренностей — из-за существенной ограниченности полномочий послов Карла IX⁵⁵.

Понимая тупиковость сложившейся дипломатической ситуации и опасаясь окончательного разрыва отношений с Речью Посполитой, московская сторона наконец решила пойти навстречу посольству Л. Сапеги.

V Этап. 1 марта — 12 марта 1601 г. Заключение договора и отъезд послов. 1 марта к дипломатам в спешке прибыл Афанасий Власьев с личным посланием от Бориса Годунова (строки 3849–3863). В послании с сожалением говорилось о задержке посольства в Москве в связи с плохим состоянием здоровья самодержца, но также отмечалось и то, что послы сами виноваты в затягивании переговоров, так как проигнорировали царский титул. Теперь же Годунов чувствовал себя намного лучше и был готов уделить послам внимание. В итоге на следующей сессии, состоявшейся 3 марта, между царем и Боярской думой, с одной стороны, и польско-литовскими дипломатами — с другой, началось обсуждение конкретных условий перемирия. Во избежание срыва работы сессии болезненный вопрос титулатуры было решено отложить до более подходящего времени:

A o tytuł na insze wremia odkładają,
Posłać posły do króla o tym wolą mają⁵⁶.
(Строки 3813–3814)

Совместная разработка положений перемирия продолжалась с 3 по 10 марта. В целом последний этап работы посольства прошел без каких-либо затруднений. Его результатом (и перенесенных послами испытаний) стало подписание 20-летнего перемирия⁵⁷ между Московским царством и Речью Посполитой (строки 4104–4105), а уже 11 марта после заключительной 20-й сессии переговоров послы смогли покинуть Москву.

Несмотря на то что никакого «вечного соединения» между Московским царством и Речью Посполитой (это была главная задача посольства) добиться не удалось, автор оценивает итоги работы миссии как безусловную дипломатическую

⁵⁵ Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. S. 64–65.

⁵⁶ «А о титуле [вопрос] на другое время отложим, / о том отправить послов к королю намерение имеем».

⁵⁷ В тексте поэмы особое внимание уделено обсуждению срока действия договора: обе стороны демонстрировали свою незаинтересованность в этом перемирии, отдавая оппоненту возможность самому выбрать его продолжительность. В итоге 20-летний срок был назван именно московской стороной. Пельгримовский видит в этом определенной символизм: за 20 проведенных тяжелых посольских сессий польско-литовский и московский народы получили 20 лет мира. См.: Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 192–194.

победу. По мнению Пельgrimовского, в условиях, в которых работало посольство Л. Сапеги, о лучших результатах нельзя было и мечтать. Автор вернулся из Москвы с глубоким убеждением, которое он старался донести и до читателя: несмотря на кажущуюся близость москвитов, какого-либо союза с этим народом, ввиду его глубокой порочности, никогда заключить не удастся. Автор использует библейскую метафору и уподобляет москвитов дурному дереву, от которого, как не старайся, добрых плодов не получишь:

Awa jako drzewo złe kwiat piękny wydaje,
Moskiewskie przeciwko nam były obyczaje⁵⁸.
(Строки 4645–4646)

Как уже отмечалось в начале статьи, поэма Гелиаша Пельgrimовского «*Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą*» не была опубликована при жизни автора, поэтому сложно оценить, какое влияние она могла оказать на современную ей читательскую аудиторию. Что же касается использования поэмы в качестве источника, способствующего реконструкции истории дипломатической миссии Л. Сапеги в 1600–1601 гг., то тут важно учитывать следующее обстоятельство: имеющий непосредственный доступ ко всей информации, касающейся посольства, Г. Пельgrimовский в своем тексте периодически умышленно сдвигал хронологию в угоду экспрессии повествования. В частности, эпизод с февральским въездом шведских послов в Москву — конструкт автора, призванный подчеркнуть напряжение, предшествующее успешному продлению перемирия с Москвой. В действительности шведское посольство находилось в Москве уже с января 1600 г.⁵⁹ Не менее важно отметить и тенденциозность, и яркий антимосковский окрас поэмы «*Poselstwo...*», поэтому, на наш взгляд, труд Пельgrimовского представляет собой скорее «пропагандистское произведение», чем «диариуш в стихотворной форме» (С. В. Ковалев).

Учитывая эти особенности поэмы, можно утверждать, что «*Poselstwo...*» не может заменить для исследователя оригинальный прозаический диариуш, но вполне способно его дополнить. Действительно, пристальное внимание автора к деталям заслуживает отдельного упоминания, так как в поэме нашел подробное отображение дипломатический этикет эпохи. Описание придворного церемониала и посольских заседаний, увековечивание роскошных застолий и миниатюрные зарисовки бытового характера (чему не нашлось места в прозаическом дневнике) — все это позволяет исследователям называть поэму Пельgrimовского даже своеобразными «учебником» и «инструкцией» для будущих посланцев в Москву⁶⁰.

Также рифмованный диариуш очень интересен в контексте научного вопроса о самой возможности установления добровольной унии между Речью Посполитой и Московским царством в преддверии Смутного времени. Свидетельство посла Гелиаша Пельgrimовского очень красноречиво: идеи объединения утопичны и никак не могли воплотиться в жизнь из-за конфликта политических амбиций обоих государств.

⁵⁸ «Как злое дерево прекрасный на вид цвет выдает, / московские [пышные] обычаи также горьки для нас были».

⁵⁹ *Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r. S. 64.*

⁶⁰ *Pielgrzymowski E. Poselstwo i krótkie spisanie rozprawy z Moskwą. S. 19–24.*

References

- Bobkova O. V. List pisaria Velikogo kniazhestva litovskogo Geliyasha Pel'grimovskogo. Avgust 1600 g. *Istoričeskii arkhiv*, 2004, no. 6, pp. 199–201. (In Russian)
- Czwolek A. Lew Sapieha, dyplomata w służbie Zygmunta III. *Leu Sapiega (1557–1633 gg.) i yago chas*. Ed. by S. V. Marozava [i insh.]. Grodna, Grodno State University Press, 2007, ss. 124–127.
- Filyushkin A. I. *Izobretaia pervuiu voinu Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013, 880 p. (In Russian)
- Florya B. N. *Russko-pol'skie otnosheniia i baltiiskii vopros v kontse XVI — nachale XVII v.* Moscow, Nauka Publ., 1973, 224 p. (In Russian)
- Florya B. N. *Russko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI — nachale XVII v.* Moscow, Nauka Publ., 1978, 302 p. (In Russian)
- Gajda M. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w latach 1600–1601 w świetle polskich relacji dyplomatycznych oraz relacji Izaaka Massy i Jacques'a Margereta. *Piotrkowskie Zeszyty Historyczne*, 2001, iss. 12, vol. 1, ss. 124–144.
- Kavaleu S. V. *Shmatmounaya paeziya Vyalikaga knyastva Litouskaga epokhi Renesansu*. Minsk, Knigazbor Publ., 2010, 376 p. (In Belarusian)
- Lisichenok E. A., Prohorenkov I. A. The Oriental Discourse in the Anti-Moscow *Positek Bellony Słowieńskiej by Marcin Paszkowski*. *Res Historica*, 2015, no. 40, pp. 115–125.
- Maciszewski J. *Polska a Moskwa. 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. Warsaw, Państwowe Wyd. Naukowe, 1968, 329 s.
- Markowska W. *Literatura Polska epoki Odrodzenia*. Warsaw, Wiedza Powszechna Publ., 1956, 238 s.
- Nekrashevich-Korotkaya Zh. V. *Belaruskaya latsinamounaya paema: pozni Renesans i rannyye Baroka*. Minsk, Belarusian State University Press, 2011, 231 p. (In Belarusian)
- Nekrashevich-Korotkaya Zh. V. Slava i plach patryeta i praroka: paema “Philopatris” (1597). *Acta Albaruthenica*, 2003, no. 3, pp. 8–10. (In Belarusian)
- Shcherbatov M. M. *Istoriia Rossiyskaia ot drevneishikh vremen*. Vol. VI, part II. St. Petersburg, Imperatorskaia Akademiia nauk Publ., 1790, 296 p. (In Russian)
- Siarczyński F. *Obraz wieku panowania Zygmunta III, krola polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osob zhyjoncych pod jego panowaniem*. T. 2. Lwow, N. Kamiński i Spolka Print., 1828, 533 s.
- Skrynnikov R. G. *Sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1985, 328 p. (In Russian)
- Trębicki W. *Poselstwo Lwa Sapiehy do Moskwy, podług dyaryusza Eljasza Pielgrzymowskiego*. Grodno, W drukarni Rzondowej, 1846, 44 s.
- Tyszkowski K. *Poselstwo Lwa Sapiehi w Moskwie 1600 r.* Lwow, [s. n.], 1927, 90 p.
- Zamoyski A. *Polska. Opowieść o dziejach niezwykłego narodu*. Warsaw, Wyd. Literackie, 2011, 588 s.

Статья поступила в редакцию 22 января 2018 г.

Рекомендована в печать 31 мая 2018 г.